



Рец. на кн.: Г.С. ЗЕЛЕНИНА. **ОГНЕННЫЙ ВРАГ МАРРАНОВ:  
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПОД НАДЗОРОМ ИНКВИЗИЦИИ.**

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 396 с.

*Елена Эдуардовна Носенко-Штейн*

Институт востоковедения РАН

12 ул. Рождественка, Москва, Россия

Nosenko1@gmail.com

**Аннотация:** Книга известного историка и антрополога Г.С. Зелениной посвящена жизни марранов на Пиренейском полуострове. Автор рассматривает опыт тайных иудеев и связанные с ним проблемы сквозь призму культурной антропологии и истории повседневности, делая особый упор на культуре «молчаливого большинства» и его идентичности. Марраны, по определению автора, были людьми «между двумя мирами» — своего рода релятивистами и мультикультуралистами. В книге справедливо подчеркивается этнический / расовый компонент в неприятии евреев, в том числе крещеных, со стороны окружавшего их христианского населения, что явилось предтечей расового антисемитизма Нового и Новейшего времени. Привлекая обширный круг источников и разнообразную литературу, Зеленина обращается к различным сюжетам из жизни марранов, протекавшей под пристальным надзором инквизиции, а также в обстановке вражды со стороны окружающих. Среди этих сюжетов обряды перехода, аннулировавшие крещение, роль женщины в ритуалах марранизма (и шире — гендерный аспект криптоиудаизма того времени), неожиданные аспекты «женской культуры», кулинарные практики новых христиан, своеобразное «сосуществование» марранских и христианских нарративов о святости и др. Особое место занимают эпизоды, связанные с кровавым наветом и девиантной сексуальностью, рассматриваемые сквозь призму «сосуществования» в мученичестве между марранами и членами инквизиции.

**Ключевые слова:** евреи, марраны, народная культура, инквизиция, Испания, Португалия.

**Для ссылок:** Носенко-Штейн Е. Рец. на кн.: Г.С. Зеленина. Огненный враг марранов: жизнь и смерть под надзором инквизиции. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 396 с. // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 223–232.  
doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-223-232

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/nosenko-stein.pdf>

**A Review of G. S. ZELENINA, *OGNENNY VRAГ MARRANOV:  
ZHIZN I SMERT POD NADZOROM INKVIZITSII* [THE FIERY ENEMY  
OF THE MARRANOS: LIFE AND DEATH UNDER THE SUPERVISION  
OF THE INQUISITION]. Moscow; St Petersburg:  
Center for Humanitarian Initiatives Press, 2018, 396 pp.**

*Elena Nosenko-Stein*

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

12 Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia

Nosenko1@gmail.com

**Abstract:** The book by the well-known historian and anthropologist Galina Zelenina deals with some problems of the historical experience of baptized Jews in the Pyrenean peninsula. The scholar explores some issues of life under the severe control of the Inquisition and social surroundings through the perspective of cultural anthropology, stressing the problems of the “silent majority” and its identity. Zelenina emphasizes that *conversos* were located between two worlds whilst being Others to both, relativists and multiculturalists of the period. She also stresses the ethnic and racial aspects of emity towards Marranos in Spain and Portugal. This ethnic component of anti-Jewish attitudes were, according to the author, first signs of the racial anti-Semitism of the 19th–20th centuries. Drawing on various sources, Zelenina considers different issues of the life and experiences of crypto-Jews under circumstances of control and hatred. Among these were rites of passage, rituals which canceled baptism, the role of women in the rituals of “new Christians”, general gender aspects of the culture of *conversos*, food practices of Marranos, and the specific “competition” of narratives about sanctity between Christians and crypto-Jews. The scholar pays attention to the specifics of the bloody libel against “new Christians” in Spain and deviant sexuality which was often connected with Jews and Marranos. Concluding her book, Zelenina returns to the racial aspect of many accusations against Jews of the period under investigation and considers them from an anthropological perspective.

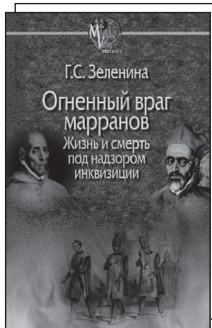
**Keywords:** Jews, Marranos, folk culture, Inquisition, Spain, Portugal.

**To cite:** Nosenko-Stein E., ‘A Review of G. S. Zelenina, *Ognenny vrag marranov: zhizn i smert pod nadzorom inkvizitsii* [The Fiery Enemy of the Marranos: Life and Death under the Supervision of the Inquisition]. Moscow; St Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Press, 2018, 396 pp.’, *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 49, pp. 223–232.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-223-232

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/nosenko-stein.pdf>





Рец. на кн.: **Г.С. Зеленина. Огненный враг марранов: жизнь и смерть под надзором инквизиции.** М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 396 с.

Книга известного историка и антрополога Г.С. Зелениной посвящена жизни марранов на Пиренейском полуострове. Автор рассматривает опыт тайных иудеев и связанные с ним проблемы сквозь призму культурной антропологии и истории повседневности, делая особый упор на культуре «молчаливого большинства» и его идентичности. Марраны, по определению автора, были людьми «между двумя мирами» — своего рода релятивистами и мультикультуралистами. В книге справедливо подчеркивается этнический / расовый компонент в неприятии евреев, в том числе крещеных, со стороны окружающего их христианского населения, что явилось предтечей расового антисемитизма Нового и Новейшего времени. Привлекая обширный круг источников и разнообразную литературу, Зеленина обращается к различным сюжетам из жизни марранов, протекавшей под пристальным надзором инквизиции, а также в обстановке вражды со стороны окружающих. Среди этих сюжетов обряды перехода, аннулировавшие крещение, роль женщины в ритуалах марранизма (и шире — гендерный аспект криптоиудаизма того времени), неожиданные аспекты «женской культуры», кулинарные практики новых христиан, своеобразное «сосуществование» марранских и христианских нарративов о святости и др. Особое место занимают эпизоды, связанные с кровавым наветом и девиантной сексуальностью, рассматриваемые сквозь призму «сосуществования» в мученичестве между марранами и членами инквизиции.

Ключевые слова: евреи, марраны, народная культура, инквизиция, Испания, Португалия.

Автору рецензируемой книги не нужно представлять читателям, интересующимся проблемами иудаики. Г.С. Зелениной принадлежат многочисленные работы, посвященные прошлому и настоящему евреев разных стран и эпох. Однако главный ее интерес — история и культура марранов, или «новых христиан», — евреев, живших в Испании и Португалии и оставшихся там после изгнания иудеев в конце XV в. Часть их была криптоиудеями, тайно исповедовавшими веру предков и жившими под пристальным надзором инквизиции. На первый взгляд, об этом сказано много, ибо о событиях XV–XVII вв. на Пиренейском полуострове, которые предшествовали изгнанию евреев, о самом изгнании, а также об истории марранов (равно как и сефардов — потомков изгнанников), существует обширная литература, в значительной степени проанализированная в обсуждаемой книге. Однако автор выбирает очень необычный для отечественной

**Елена Эдуардовна Носенко-Штейн**  
Институт востоковедения РАН,  
Москва, Россия  
Nosenko1@gmail.com

иудаики ракурс, точнее ракурсы. Это микроистория, или история повседневности, которая рассматривается сквозь призму культурной антропологии.

Разумеется, нет смысла пересказывать книгу. Остановлюсь на тех моментах, которые показались мне как историку и антропологу особенно интересными. Уже в предисловии Зеленина отмечает, что цель ее исследования — изучение опыта так называемых «обычных людей», а также их идентичности, которую она определяет как «многосоставную» и ситуативную. Это утверждение, учитывая положение марранов между двумя мирами, культурами и вероисповеданиями, в значительной мере справедливо. Несмотря на то что любая идентичность ситуативна по своей природе и меняется на протяжении всей жизни человека в зависимости от обстоятельств, у «новых христиан» эти самые обстоятельства были в высшей степени лабильны, что делало их идентичность особенно размытой и неустойчивой, «ориентировавшейся на несколько систем ценностей» (С. 8). Автор определяет марранов как «релятивистов» и «мультикультуралистов», что при всем расхождении с современным пониманием этих терминов выглядит оправданным, хотя и с определенными уточнениями. Марраны были вынужденными релятивистами и вынужденными же мультикультуралистами, ибо сама жизнь поставила их в обстоятельства, «подталкивавшие» к определенному культурному, этническому и особенно религиозному релятивизму (последнее, впрочем, в тех условиях было опасным). Мультикультурализм тоже был в определенной степени «навязан» им жизнью между двумя мирами: тайным и явным, христианством и иудаизмом, прежними и новыми традициями, — в преимущественно враждебном окружении, в котором они, если продолжать предложенные Зелениной сравнения, занимали место своего рода диссидентов в условиях тогдашнего идеологически тоталитарного режима.

В обширном предисловии дается краткая историческая справка о крещении евреев в Испании и Португалии до их изгнания, а также после соответствующих королевских эдиктов. Там же приводится краткая история возникновения и трансформации инквизиции, ее отличие в XV–XVII вв. (время борьбы с тайными иудеями и тайными мусульманами) от инквизиции XIII в. в Южной Франции, Северной Италии и Арагоне (в эпоху борьбы с ересями). Автор подчеркивает, что около 90 % жертв инквизиции после изгнания евреев и мавров были именно криптоиудеями, за ними следовали мориски — крещеные арабы, точнее мусульмане. Обе группы, по мнению светских властей и инквизиции, представляли главную опасность. В противовес распространенным представлениям о том, что в ту эпоху люди отличали *других / чужих* прежде всего по конфессиональному

признаку, Зеленина показывает, что в действительности уже тогда выделяли этнические различия. Эти данные представляют собой, если так можно выразиться, «увесистый камень» в огороде гиперконструктивистов, отрицающих реальность этничности и считающих ее (как и религиозность) полностью сконструированной, иногда даже в форме «сконструированной реальности». Автор подчеркивает, что в средневековой Европе насилие в отношении евреев (в том числе крещеных) опиралось на принцип происхождения и имело именно этническую, или (прото)расовую, подоплеку, включая знаменитый кровавый навет, представления о специфическом «еврейском» запахе, девиантной сексуальности и пр. Все это составило основу расового антисемитизма (а не только юдофобии, как до сих пор утверждается в большинстве научных работ, и автор приводит разные суждения по этому вопросу). Вместе с тем Зеленина не возводит этнический принцип в абсолют, подчеркивая, что «антиеврейское насилие в средневековой Европе могло мотивироваться как социальной или этнической, так и религиозной ненавистью» (С. 36). Тем самым постулируется комплексный характер антисемитизма и, в частности, антимарранизма в Испании и Португалии. Более того, эта ненависть была своего рода разновидностью ненависти к *чужому*, причем, как мне уже доводилось писать, к *чужому*, надевшему (в данном случае благодаря крещению) культурную маску *своего* и потому особенно опасному [Носенко 2009].

После обширного введения, где представлен не только обзор историографии, но и размышления автора, следует серия историко-антропологических очерков, написанных в лучших традициях отечественной исторической антропологии, которая до сих пор в нашей стране развивается преимущественно в русле медиевистики [Гуревич 1981; 1990; Лотман 2010]. Именно антропологический / этнографический анализ обрядов перехода из иудаизма в христианство (С. 108–128) кажется мне как антропологу особенно удачным. Хотя здесь, пожалуй, стоило указать, что обрядом перехода является ритуал обрезания (*брит мила*) сам по себе, а не только и не столько сопутствующие ему «ночные бдения» возле постели матери и новорожденного (*вахнахт*, (*x*)*адас* (*had**as*) или *тахдид*), выполнявшие прежде всего апотропейную функцию (ограждения матери и младенца от злых духов) и функцию призыва добрых духов-охранителей. На мой взгляд, эти обряды не переходные, типологически они сходны с ритуалами окружавших евреев народов. В отличие от «ночных бдений», *брит мила* был маркером, обозначавшим переход младенца в иной статус, после чего он становился членом общины. Поэтому члены инквизиционных трибуналов искали обрезанных мужчин, что и привело к почти повсеместному

исчезновению практики обрезания среди новообращенных (*conversos*) (С. 110). В отдельных случаях практиковалась своего рода «замена» этих обрядов в виде нанесения надрезов на пенис или другие части тела. Крещение, также являющееся обрядом перехода, как указывает автор, аннулировало предшествовавший ему ритуал обрезания, и человек совершал переход к иной общности со всеми вытекавшими последствиями. Поэтому среди криптоиудеев после обряда крещения совершался «анти-обряд», аннулирувавший предыдущий обряд перехода (в данном случае крещение) и тайно возвращавший человека в лоно прежней веры, к прежним общине и статусу. Исследовательница отмечает, что в диаспоре, прежде всего в Европе (речь идет об анклавах проживания сефардов и приехавших туда марранов), даже с помощью обряда обрезания вернуть марранов в лоно иудаизма было непросто.

Зеленина подчеркивает резкий рост роли женщин в ритуалах криптоиудаизма / марранизма, указывая, что домашний характер таких обрядов обусловил ведущую позицию в них женщин (что, впрочем, характерно не только для криптоиудаизма, но и для народной религии и еретических движений средневековой Европы, среди них уже упоминавшиеся «ночные бдения», с. 116–117). В противовес этому чтение священных еврейских книг в домах марранов и само их хранение оставались прерогативой мужчин, т.к. книжная культура была по преимуществу мужской. Интересна интерпретация практик чтения Вульгаты и Псалтири как своего рода «эрзаца» Торы и еврейской истории, а также пересказов еврейских текстов (С. 143–144). Если применять современную терминологию, все это могло пробудить «спящую» (*dormant*) еврейскую идентичность. Впоследствии, когда и эти практики ушли в прошлое, они обрели символическую ценность, а само сообщество криптоиудеев стало, как указывает исследовательница, «текстуальным сообществом», где прева-лировала устная культура с доминирующим женским участием (С. 147).

В той же антропологической перспективе в книге рассматриваются кулинарные практики «новых христиан», которые могли свидетельствовать об их тайном следовании иудаизму, например субботнее жаркое — *адафина* (в Центральной и Восточной Европе называвшееся *чолнт*). Не только его употребление, но и процесс приготовления (тушение мяса на растительном масле, а также использование специй) могли, по мнению инквизиторов и хронистов, не просто свидетельствовать о криптоиудаизме, но и выдавать иудеев, поскольку вели к появлению специфического запаха, который, как тогда считали, был присущ иудеям (С. 159). Следование иудейским пищевым нормам даже в смешанных браках (в частности, отказ есть свинину)

лишний раз свидетельствует, что пища — один из наиболее устойчивых этнических маркеров и изменение пищевых пристрастий (в данном случае добавление свинины в жаркое и др.) — яркий пример постепенной ассимиляции марранов в христианском окружении.

Особое место в книге занимает обсуждение гендерных стереотипов (давняя сфера интересов автора). Зеленина отходит от укоренившейся в историографии традиции «женской мартирологии», т.е. изображения женщин из среды марранов как мучениц за веру. Она изучает гендерные стереотипы сквозь призму культуры повседневности: роль женщин в разного рода конфликтах, их активное участие в коммунальной жизни и пр. Большой интерес представляет анализ обценных слов, использовавшихся женщинами во время бытовых ссор (С. 178), нередко перераставших в межсемейные, соседские и коммунальные конфликты с применением насилия. В контексте испанской средневековой культуры, для которой был чрезвычайно важен концепт чести вообще и женской чести в частности, автор рассматривает роль инквизиции как регулятора коммунальных конфликтов с помощью системы относительно мягких наказаний. Мизогинные настроения и стереотипы Зеленина представляет в широком историко-культурном контексте конца Средневековья и начала Нового времени, особенно в Испании в той сложной ситуации, в которой оказались «новые христиане». Именно женщины из среды новообращенных преследовались инквизицией особенно упорно, становясь своего рода «заменителями» ведьм, подвергавшихся гонениям во многих странах Европы. На Пиренейском полуострове охота на ведьм канализировалась в охоту на «дурных христианок», которые были не просто *чужими*, надевшими маску *своего*, но обладали негативными качествами, присущими именно женщинам. Это делало их особенно опасными в глазах современников. Зеленина подчеркивает, что достоверной статистики по гендерному составу преследовавшихся инквизицией марранов не существует, однако приводит некоторые приблизительные данные, касающиеся соблюдения еврейских практик, которые (при учете разделения на «мужские» и «женские» ритуалы) могут позволить судить об этом (С. 201).

Несколько выбивается из изучения культуры «безмолвствующего большинства» еврейской (в данном случае марранской) диаспоры проблема нарушения законов государства проживания, весьма актуальная для евреев, а затем и криптоиудеев, живших в иноэтническом и иноконфессиональном окружении. Последние нередко вынужденно становились «релятивистами в отношении законодательной нормы» (С. 224). В этой ситуации основным регулятором оказывалось соблюдение определенных



социальных норм, особенно касавшихся репутации (чести). Чрезвычайно важен подход автора к культуре «новых христиан» как культуре стыда, которой католическая церковь навязывала чувство вины (подробнее о культурах стыда и вины см., например: [Бенедикт 2004; Лотман 2010]). Правда, на мой взгляд, как раз культура иудаизма представляет собой своеобразный вариант культуры вины, особенно в случае *conversos*, хотя и элементы культуры стыда в ней также просматриваются, пусть и не столь отчетливо. По этой причине интерпретация понятий «святость», «честь» и «право на память потомков» (ключевых в культуре того периода) в контексте своеобразного состязания марранов и инквизиторов и своего рода «обоюдного утверждения своего превосходства» (С. 239) кажется мне хоть и безусловно интересной, но не очень убедительной. Гораздо убедительнее выглядит мысль автора о состязании нарративов о святости / мученичестве и т.п. в испанской и еврейской традициях. Важной, хотя тоже не вполне доказательной, представляется попытка интерпретировать «состязания в святости» инквизиторов и марранов как потлач (С. 263). На мой взгляд, нарративы марранов о мученичестве, особенно о мученичестве женщин (которые, по мнению исследовательницы, преобладали в мартирологах), доказывают стремление инквизиции уничтожить не только отступников и тайных иудеев, но и народную культуру, носительницами которой женщины были в большей мере, чем мужчины.

Особое место в книге занимает эпизод с кровавым наветом. Зеленина рассматривает случай, произошедший в Кастилии незадолго до изгнания евреев из Испании: обвинение в убийстве христианского ребенка и осквернении гостии, а также в том, что евреи наслали на христиан смертельную заразу (некоторые исследователи считают эти обвинения непосредственным поводом к изгнанию). О кровавом навете существует обширнейшая литература, но автор выявляет специфику прежде всего кастильского кейса: в преступлении обвиняли не только евреев, но и «новых христиан». В Кастилии, где слушалось дело, кровавый навет не был распространен. Расследование вел инквизиционный трибунал, чего не происходило и не должно было происходить в случаях с иудеями (поскольку инквизиция преследовала именно криптоиудеев, а не иудеев) (С. 307–309). Исследовательница не просто выявляет разницу в обвинениях, связанных с «ритуальным употреблением» крови христианских младенцев в ашкеназской и сефардской среде, но и указывает на встречные обвинения — в пролитии крови уже еврейских младенцев, предъявляемые евреями христианам, или своего рода «антинавет» (С. 313). Зеленина также пытается (на мой взгляд, довольно убедительно) представить своеобразие крова-

вого навета в Испании вообще и в рассматриваемом ею деле 1490 г. особенно сквозь ту же самую призму «состязательности» в мученичестве не просто между иудеями и христианами, но между марранами и членами инквизиции (С. 321).

В этом контексте сюжет о глумлении над образом Девы Марии со стороны евреев и «новых христиан» рассматривается в книге как зеркальный предыдущему: он также представляет своего рода ответ на вызов в виде кровавого навета на евреев и марранов. В попытках евреев противопоставить марианизму своеобразный культ ветхозаветных женских персонажей (Мариам, Рахиль, Эстер и др.) исследовательница опять же усматривает состязательность в святости и мученичестве (С. 328). Более того, она отмечает, что в глумлении над Богородицей «старые» и «новые» христиане (т.е. католики и марраны) не очень сильно отличались друг от друга, ставя под сомнение ее непорочность и скромность. Зеленина отмечает гендерный аспект таких богохульств, когда «обычные» женщины вербально низводили Деву Марию до себя, подчеркивая ее обычную женскую телесность. Кроме того, исследовательница выделяет две тенденции в антимарианизме: в высокой культуре (иудео-христианская полемика) и в низкой, женской, народной культуре, где Богоматерь обвинялась в том же, в чем нередко обвиняли «обычных» женщин (и у этой второй тенденции не так много собственно «еврейского») (С. 340–341).

Заканчивает книгу тема сексуальной распущенности и сексуальной же девиации в инквизиционных документах, касающихся как евреев, так и христиан — «старых» и «новых». Имеется в виду не супружеская неверность, которая была объектом рассмотрения светских судов, а ненормативная сексуальность, включая содомию, зоофилию, любовную магию и пр., подпадавшая под юрисдикцию инквизиционных трибуналов. Марранам особенно часто предъявляли и обвинения во внебрачных сексуальных отношениях, что, как нередко считают исследователи, было следствием более частых по сравнению с другими еврейскими общинами Европы внебрачных связей среди испанских евреев (под влиянием мусульманской традиции полигинии). Этому же могло способствовать своеобразное лиминальное положение марранов между двух законов и двух обрядов: христианского и иудейского венчания (С. 349). Последнее мне кажется менее убедительным, а вот использование любовной магии в материалах инквизиции Зеленина подробно анализирует, подчеркивая веру в особую действенность именно иудейской и мавританской магии как среди «новых», так и среди «старых» христиан. Вера в особую силу магии предметов и практик, присущих традиции *чужого*, вообще характерна для народной культуры. Наказания за гораздо более «девиантное»



сексуальное поведение (содомию) автор рассматривает в контексте усиления борьбы с ним в позднем Средневековье вплоть до получения папского разрешения рассматривать содомию и зоофилию инквизиционным трибуналом, что стало распространенной практикой в Испании в начале Нового времени. При этом наказания за эти «греховные» практики постепенно смягчались, особенно по сравнению с карой за приверженность «моисеевой ереси», и в этом отношении инквизиция была гораздо более снисходительной, чем светские власти, каравшие за гомосексуализм смертной казнью до середины XVIII в. (С. 354). Обвинения марранов в гомосексуальном поведении были особенно частыми, т.к. в народной и высокой культурах *чужому* (в том числе представителям других конфессиональных и расовых групп) приписывалась девиантная сексуальность.

И здесь автор «замыкает» круг рассматриваемых в книге сюжетов, возвращаясь на другом уровне к тому, что было предложено вначале, а именно к расовому аспекту преследований евреев со стороны инквизиции. Ибо ряд негативных качеств нередко приписывается не просто *чужому*, но опасному и враждебному *чужому*, с которым необходимо бороться и которого необходимо даже уничтожить. Именно такая стигматизация еврея, по мысли Зелениной и многих других исследователей, лежит и в основе нацистской идеологии очищения расы (С. 362).

В этой краткой рецензии я не коснулась целого ряда сюжетов: аллегорического изображения инквизиции в виде ужасного монстра в эсхатологической еврейской и марранской литературе рассматриваемого периода, эпидемии чумы 1481 г. и обвинений приверженцев «моисеевой ереси» в этом бедствии уже в испанской эсхатологической литературе, отличительных черт мессианских движений и некоторых других, безусловно интересных и необходимых в контексте рассматриваемых автором проблем. Анализируя их, Зеленина опять обращается к концепту соревновательности разных религиозных идеологем, инверсии понятий *свой / чужой* и к ветхо- и новозаветным корням этих аллегорий.

Книгу Зелениной, помимо прочего, очень интересно читать. Этому способствует использование ею самых разнообразных источников (от материалов инквизиционных процессов и хроник до фрагментов поэзии и прозы рассматриваемого периода), которые она часто и обильно цитирует. Такому восприятию способствуют и то, что исследовательница «выносит» разнообразные комментарии и разъяснения в примечания, следующие после каждой главы, а также хороший и выразительный язык. Повторюсь, эту книгу нужно внимательно и с интересом читать, чтобы услышать голос «безмолвствующего большинства».

**Библиография**

- Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 253 с.
- Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.
- Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство, 2010. С. 664–665.
- Носенко Е.Э. Чужие среди чужих: существует ли православная еврейская идентичность? // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 20–35.

---

**A Review of G. S. Zelenina, *Ognennyy vrag marranov: zhizn i smert pod nadzorom inkvizitsii* [The Fiery Enemy of the Marranos: Life and Death under the Supervision of the Inquisition]. Moscow; St Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Press, 2018, 396 pp.**

**Elena Nosenko-Stein**

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences  
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, Russia  
Nosenko1@gmail.com

The book by the well-known historian and anthropologist Galina Zelenina deals with some problems of the historical experience of baptized Jews in the Pyrenean peninsula. The scholar explores some issues of life under the severe control of the Inquisition and social surroundings through the perspective of cultural anthropology, stressing the problems of the “silent majority” and its identity. Zelenina emphasizes that *conversos* were located between two worlds whilst being Others to both, relativists and multiculturalists of the period. She also stresses the ethnic and racial aspects of enmity towards Marranos in Spain and Portugal. This ethnic component of anti-Jewish attitudes were, according to the author, first signs of the racial anti-Semitism of the 19th–20th centuries. Drawing on various sources, Zelenina considers different issues of the life and experiences of crypto-Jews under circumstances of control and hatred. Among these were rites of passage, rituals which canceled baptism, the role of women in the rituals of “new Christians”, general gender aspects of the culture of *conversos*, food practices of Marranos, and the

specific “competition” of narratives about sanctity between Christians and crypto-Jews. The scholar pays attention to the specifics of the bloody libel against “new Christians” in Spain and deviant sexuality which was often connected with Jews and Marranos. Concluding her book, Zelenina returns to the racial aspect of many accusations against Jews of the period under investigation and considers them from an anthropological perspective.

Keywords: Jews, Marranos, folk culture, Inquisition, Spain, Portugal.

### References

- Benedict R., *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin, 1946, 324 pp.
- Gurevich A. Ya., *Problemy srednevekovoy narodnoy kultury* [Problems of the Popular Culture of the Middle Ages]. Moscow: Iskusstvo, 1981, 359 pp. (In Russian).
- Gurevich A. Ya., *Srednekovyy mir: kultura bezmolstvuyushchego bolshinstva* [Inverse of the Middle Ages: A Culture of Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo, 1990, 395 pp. (In Russian).
- Lotman Yu. M., ‘O semiotike ponyatiy “styd” i “strakh” v mekhanizme kultury’ [On the Semiotics of the Concepts “Shame” and “Fear” in the Mechanism of Culture], Lotman Yu. M., *Semiosfera: Kultura i vzryv. Vnutri mysl'yashchikh mirov. Stati. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles. Research. Notes]. St Petersburg: Iskusstvo, 2010, pp. 664–665. (In Russian).
- Nosenko E. E., ‘Chuzhie sredi chuzhikh: sushchestvuet li pravoslavnaya evreyskaya identichnost?’ [Aliens among Aliens: Is There an Orthodox Christian Jewish Identity?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2009, no. 3, pp. 20–35. (In Russian).